

УДК 327.8 : 323(5 – 191.2)

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

З.Т. Мураталиева

Дается всесторонняя оценка множеству существующих факторов конфликтности пяти центральноазиатских государств.

Ключевые слова: Центральная Азия; территориальные притязания; геополитическая нестабильность; геополитическая неопределенность; геоэкономическое сотрудничество; политический процесс; ресурсно-энергетическая проблема; конфликт; тропы зависимости.

ANALYSIS OF SOME INFLUENCE FACTORS ON POLITICAL PROCESSES IN CENTRAL ASIA

Z.T. Muratalieva

The article attempts to give a comprehensive assessment of the many existing factors of conflict in the five Central Asian states.

Keywords: Central Asia; territorial claims; geopolitical instability; geopolitical uncertainty; geo-economic cooperation; political process; resource-energy problem; conflict; dependence path.

Введение. Геополитическое воздействие на регион Центральной Азии внешних сил, имеющее очень давнюю историю и продолжающееся и по настоящее время, во многом определило специфику внешнеполитических процессов и способствовало формированию основных методов их взаимодействия с этими силами. К ним, в первую очередь, следует отнести Китай, связи с которым народов Центральной Азии насчитывают несколько тысячелетий. Особенно интенсивный характер они приобрели со времени начала функционирования Великого Шелкового пути [1]. “Более 2 тысяч лет назад был проложен так называемый Великий Шелковый путь из Азии в Европу протяженностью 7 тыс. км. Он начинался в городе Чанъань, шел через Памир, Центральную и Западную Азию к портам восточного побережья Средиземного моря. Шелковый путь связал Китай с Центральной Азией” [2, с. 81].

В плане взаимодействия важнейшее место, реализовывавшееся в рамках, прежде всего, евразийской цивилизации, следует отнести и России. Естественно, что особенно интенсивный характер этот процесс приобрел в период нахождения Центральной Азии в составе Российской империи, а затем Советского Союза. Особенно значительное воздействие на народы региона связано с результатами советской модернизации [3].

Определенную роль во внешних влияниях на центральноазиатские народы, сыграли и исламские страны, в т. ч. арабские страны, Турция, Иран, Афганистан, Пакистан. Центральная Азия после завоевания ее в VII в. арабами, превратилась в часть исламского мира, воспринимая его идеологию, культуру, религию. Укреплению связей с исламскими странами способствовали также торгово-экономические связи. Оценивая уровень связей исламских стран с центральноазиатскими народами, часть российских исследователей исходит из того, что “Центральная Азия – обширный регион с пятью мусульманскими государствами-новичками в современных международных отношениях. Они резко отличаются от Запада приверженностью к исламской цивилизации и активным взаимодействием с мусульманским миром” [2, с. 64].

В течение длительного времени Центральная Азия была закрыта от Запада и лишь после распада СССР, приведшего к окончанию периода ее искусственной изоляции, западный мир стал активно взаимодействовать с государствами региона. Русский философ Н. Бердяев считал, что “проблема Востока и Запада, в сущности, всегда была основной темой всемирной истории, ее осью” [4, с. 115]. Можно сказать о том, что народы Центральной

Азии стали частью этой проблемы и испытали на себе многостороннее воздействие западного мира.

Контакты с европейцами приобрели значительные масштабы для части региона во времена завоевания ей Александром Македонским, а также в рамках, созданных в тот период времени эллинизированных государственных образований, и приходились на античный период истории Центральной Азии. В дальнейшем они носили эпизодический характер и получили развитие лишь в конце XX в. Огромное влияние на их содержание и характер оказали процессы глобализации мировых геоэкономических и геополитических проблем, непосредственно сказавшихся на многих сторонах политических процессов новых независимых государств Центральной Азии. В данном исследовании существенное внимание будет уделено анализу воздействия стран Европы, главным образом в рамках Европейского союза, на их внутриполитические и внешнеполитические процессы.

Факторы внутренней конфликтности. Как отмечал бывший министр иностранных дел Казахстана К. Токаев, Центральноазиатский регион буквально начинен территориальными претензиями друг к другу, что связано с природными и демографическими ресурсами [5]. Этническая чересполосица и отсутствие общепризнанных границ усугубляются дефицитом земельных и водных ресурсов. Наибольшее число территориальных споров существует между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, эпицентр которых находится на “пороховой бочке Центральной Азии” – Ферганской долине, где расположены Согдийская область Таджикистана, Ошская, Джалалабадская и Баткенская области Кыргызстана, Ферганская, Наманганская и Андижанская области Узбекистана. Она отличается высоким уровнем перенаселенности, ростом исламских настроений, остротой социально-экономических проблем.

На территории долины проживает более 7 млн человек, из них 75 % – в сельской местности. Большую часть населения во всех частях долины составляют узбеки. Плотность населения в некоторых местах достигает 500–600, а в отдельных местах до 1000 человек на каждый квадратный километр. Таких районов в мире насчитываются единицы. Ферганская долина – один из наиболее бедных районов Центральной Азии, отличающийся крайней напряженностью [6, с. 67–68].

Роль мощного конфликтогенного фактора играет наличие крупных этнических общин, проживающих на территории соседних государств, что несет в себе угрозу потенциальных конфликтов на этнической почве. Это явилось следствием национального размежевания, осуществленного в 20-е г. прошлого века, которое, по мнению З. Бжезинского, “отражало интерес Кремля в со-

хранении внутренних разногласий и таким образом большей подчиненности южного региона Российской империи”, что создало предпосылки для территориальных споров после распада СССР. Казахстан, по мнению З. Бжезинского, может столкнуться с опасностью территориального отделения северо-западных и северо-восточных регионов, в которых доминирует русское население. Часть южного Узбекистана, в особенности вокруг Самарканда и Бухары, заселена таджиками. В связи с этим острые противоречия существуют между Таджикистаном и Узбекистаном, особенно с учетом того, что исторически эти города действительно принадлежали Таджикистану, но в 20-е гг. прошлого века были переданы Узбекской ССР. В 2009 г. президент Таджикистана Э. Рахмон заявил, что “Самарканд и Бухара все равно будут наши” [7]. У Туркменистана есть территориальные притязания к Узбекистану в Чарджоуской области из-за нефтяного месторождения, на которое претендуют обе стороны [8]. В свою очередь, в самом густонаселенном государстве Центральной Азии определенные силы поддерживают идею “Великого Узбекистана” с включением в него южной Киргизии, Таджикистана, Чарджоу и Ташауза Туркменистана, а также двух юго-западных областей Казахстана [9]. Астана и Ташкент также не могут договориться о границе, проходящей по акватории Аральского моря. Ситуация осложняется из-за присутствия узбеков в западном Таджикистане, а также узбеков и таджиков в экономически важных для Кыргызстана районах Ферганской долины. Еще одним фактором, способствующим ослаблению региональной стабильности, является многочисленное присутствие таджиков в северо-восточном Афганистане [10, с. 158–159].

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что в последнее время Афганистан выдвигает территориальные притязания к Узбекистану, Таджикистану и Туркменистану, что также способствует нагнетанию напряженности в регионе [11]. Эксперты не исключают в перспективе возможность притязаний Узбекистана на Восточную Фергану (Ош и Узген). Причиной конфликта между Таджикистаном и Кыргызстаном могут стать претензии за обладание Западной Ферганой (Баткен) с вовлечением в него Горного Бадахшана. Таджикско-узбекские конфликты из-за Самарканда и Бухары могут вовлечь в них Кыргызстан и Иран. Не исключены туркменско-узбекские территориальные споры из-за Приаралья (историческая Хива) [12, с. 174]. По результатам исследования по проблемам межгосударственных отношений в Центральноазиатском регионе, проведенном Социологической службой Центральноазиатского агентства политических исследований (APR), в рейтинге существующих межгосударственных отношений по центральноазиатскому

региону на первом месте оказался вопрос наличия спорных территорий [13].

Состоянию нестабильности в регионе, напрямую влияющей на характер и состояние политических процессов, также способствуют крайне сложные отношения между рядом государств Центральной Азии. Как справедливо отмечают исследователи, “имея общую историю, культуру, практически сходную экономическую структуру, традиции центральноазиатские государства не создали даже единого культурного пространства, не говоря уже о едином политическом и экономическом пространстве. Она не стала сообществом стран, объединенных некой общей идеей развития. И в итоге все пять стран региона пошли разными путями развития, сформировав совершенно разные политические режимы. И сегодняшние отношения между странами в большей степени обусловлены спецификой политических режимов – чем сильнее значение личностного фактора, тем больше отношения между странами региона наполнены субъективными моментами. Природа многих противоречий, конфликтных ситуаций кроется, к сожалению, в этом” [14].

Водно-энергетические маркеры противоречий. Другим источником напряженности в отношениях между странами региона являются водно-энергетические проблемы. “Вода, некогда исторически объединившая народы региона, превращается в оружие решения внешне- и внутривнутриполитических задач, становится одним из основных конфликтных узлов, создающих угрозу региональной безопасности государств Центральной Азии” [15].

Между тем, о возможности возникновения конфликтов в Центральной Азии из-за последствий климатических изменений в своем докладе предупредил лидеров 27 стран ЕС на саммите этой организации 13–14 марта 2008 г. в Брюсселе, Верховный представитель Евросоюза по общей внешней политике и общей политике в области внешней безопасности Х. Солана. В докладе сообщается, что растущий в странах Центральной Азии дефицит воды, которая является ключевым ресурсом для производства продовольствия, а также стратегическим ресурсом для производства электроэнергии, вызывает серьезную озабоченность [16].

По словам экспертов, ситуация с водообеспечением стран Центральной Азии будет становиться все хуже. “Сегодня в сельскохозяйственный оборот включено 90–93 % необходимого объема воды из бассейнов рек Амударья и Сырдарья, – считает представитель Ассоциации приграничного сотрудничества А. Дереникьян, – что говорит о том, что реальные возможности региона уже достаточно близки к своему пределу”. Он отметил: “Если внешние игроки захотят дестабилизировать ситуацию в Центральной Азии, то они могут педалировать вопрос, связанный с водообеспечением” [17].

В настоящее время проблемы гидроэнергетики и использования водных ресурсов, продолжают оставаться крайне напряженными между государствами региона. В их основе – политика защиты национальных интересов в ущерб совместного, согласованного решения общерегиональных проблем. Водные вопросы, и прежде всего планы строительства Рогунской ГЭС, до крайности осложнили отношения между Узбекистаном и Таджикистаном. В Ташкенте ее строительство рассматривается едва ли не главной угрозой существования узбекского государства [18]. По мнению исследователей – экспертов университета Nort Darota State Universite США, ежегодный ущерб от Рогунской ГЭС для Узбекистана составит 600 млн долларов США. Ввиду дефицита воды для орошения 300 тыс. человек лишатся работы, более 500 тыс. га земли придет в негодность и еще 300 тыс. будет выведено из оборота [19].

Говоря о проблемах современной Центральной Азии, можно присоединиться к позиции китайского исследователя, который вводит в обращение понятие обратного процесса экономической интеграции в Центральной Азии и акцентирует внимание на крайне низком уровне экономического сотрудничества между государствами региона. Страны Центральной Азии не желают сотрудничать друг с другом, а акцент в сотрудничестве переносят на другие страны и регионы. “Оставшиеся от истории проблемы, – считает он, – до сих пор являются тяжелым бременем и скрытой опасностью для развития нормальных отношений между государствами Центральной Азии. Основа добрососедских отношений между ними постепенно ослабевает” [20].

Факторы мировых глобальных процессов. К числу острых проблем, напрямую оказывающих влияние на внешнюю безопасность стран региона, следует также отнести такие проявления мировых глобальных процессов, как наркотрафик, международный терроризм и религиозный экстремизм. Во многом они связаны с общерегиональной проблемой, несущей угрозу безопасности всех без исключения стран Центральной Азии, порожденной близостью к региону крупнейшего на сегодня в мире источника нестабильности и международной напряженности, какими являются Афганистан и Пакистан. В предстоящий период времени ситуация в ряде стран Центральной Азии может существенно обостриться в связи с уходом войск НАТО из Афганистана и угрозой вытеснения части афганских боевиков на территории Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана [21, с. 152]. Изучение этих проблем в рамках Центральной Азии, в целом, представляет собой самостоятельную тему, в связи с чем не рассматривается подробно в данном исследовании. В рамках настоящего раздела остается

отметить лишь общерегиональный характер указанных угроз и их существенное воздействие на состояние безопасности центральноазиатских стран в целом и внешней безопасности в частности.

Таким образом, существует множество внешних факторов, которые негативно воздействуют на содержание и характер политических процессов в государствах Центральной Азии. Значительная их часть отражает, в соответствии с концепцией “тропы зависимости”, зависимость от исторического прошлого, развития народов региона и в XXI в. В частности, это исторически сложившаяся геополитическая неопределенность, связанная с сохранением множественных векторов геополитического выбора. Огромное влияние на характер политических процессов оказывает низкий уровень региональной идентичности, поскольку в Центральной Азии отсутствует единая для региона непротиворечивая культурно-идентификационная структура.

Литература

1. *Турсунов Н.О.* Великий Шелковый путь – путь мира и дружбы / Н.О. Турсунов. Ленинабад, 1989; *Табышалиев С.Т.* Происхождение кыргызского народа: Кыргызстан на Великом Шелковом пути / С.Т. Табышалиев. Бишкек, 2001.
2. Центральная Азия в системе международных отношений. URL: <http://netess.ru/3istoriya/331874-1-centralnaya-aziya-sisteme-mezhdunarodnih-otnosheniy-1992-2009-gg.php> (Дата обращения: 04.03.2017)
3. См.: *Глуценко Е.А.* Россия в Средней Азии: завоевания и преобразования / Е.А. Глуценко. М.: Центрполиграф, 2010; *Белослудцев О.А.* Россия – Центральная Азия: отношения в военной области: история и современность / О.А. Белослудцев, В.В. Корнеев. М.: Военное изд-во, 2007.
4. *Бердяев Н.* Судьба России: опыты психологии войны и национальности / Н. Бердяев. М.: Мысль, 1990.
5. *Хлюпин В.Н.* Республика Казахстан: Геополитические очерки / В.Н. Хлюпин // URL: http://www.i-ru/biblio/archive/chlupin_respublika (Дата обращения: 05.03.2017)
6. *Волков И.В.* Основные проблемы геополитического положения Центральной Азии в эпоху глобализации (на примере Кыргызстана) / И.В. Волков. Бишкек, 2010.
7. В Средней Азии возможен передел границ? Самарканд – спорная территория (15 янв. 2010) // URL: <http://www.ca-news.org/news/292881/> (Дата обращения: 08.03.2017)
8. Ашхабад имеет территориальные притязания к Узбекистану и Азербайджану (15 дек. 2011) // URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1480094.html?forprint> (Дата обращения: 10.03.2017)
9. *Синтянский Г.* Идея “Великого Узбекистана” постоянно витает в воздухе (7 мая 2011) / Г. Синтянский // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1304796280> (Дата обращения: 12.03.2017)
10. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска / З. Бжезинский. М., АСТ, 2016.
11. *Балмасов С.* Афганистан претендует на земли соседей. Об этом открыто заявляют уже и официальные лица (21 окт. 2011) / С. Балмасов // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA> (Дата обращения: 12.04.2017)
12. *Маслов И.* Региональная безопасность: история и проблемы новых независимых государств Центральной Азии / И. Маслов. М. – Бишкек, 2000.
13. Состояние и перспективы межгосударственных отношений в Центральноазиатском регионе. URL: http://www.iicas.org/articles/library/libr_rus_24_500gp.html.eopoliticheskij-proektivneshnepoliticheskij-instrument/ (Дата обращения: 10.04.2017)
14. Центральная Азия входит в зону политической турбулентности (18 апр. 2012). URL: http://www.cisnews.org/world/asia_5653 (Дата обращения: 15.04.2017)
15. Ложка дегтя в бочке воды: о водных проблемах Центральной Азии (13 марта 2008). URL: <http://www.kyrgyznews.kg> (Дата обращения: 17.04.2017)
16. Дефицит водных ресурсов может стать причиной конфликтов в Центральной Азии (13 марта 2008). URL: <http://www.fergana/newss.ru> (Дата обращения: 04.11.2017)
17. РБК daili: водный терроризм грозит республикам Средней Азии (1 июля 2008). URL: <http://ca-news.org/news:31116/> (Дата обращения: 04.05.2017)
18. *Бологов П.* Средней Азии предрекают войну за водные ресурсы (26 сент. 2012) / П. Бологов. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1348644060> (Дата обращения: 16.05.2017)
19. Эксперты подсчитали возможный ущерб Узбекистана от Рогунской ГЭС (26 сент. 2012). URL: <http://www.maxalla.org/skandali/9031> (Дата обращения: 25.05.2017)
20. Анализ обратного процесса экономической интеграции в регионе Центральной Азии (4 июня 2013). URL: <http://www.geopolica.ru/article/analiz-obratnogoprozessaekonomicheskoy-integracii/> (Дата обращения: 25.05.2017)
21. *Исаматова А.Т.* ЦА в политике РФ, США и КНР / А.Т. Исаматова // Вестник КРСУ. 2017. Том 17. № 2.